

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, ЖЕРТВЫ И ЦЕНА ПРЕСТУПНОСТИ

© 2009 г. В. В. Лунеев¹

*Дурные последствия преступлений живут дольше,
чем сами преступления.*

Вальтер Скотт

*Важно не столько знать все, сколько знать всему
точную цену...*

Хана Мор

1. Социальные последствия преступлений

В уголовном праве считается, что как не может быть преступления без объекта, поскольку любое деяние посягает на какой-то объект (общественные отношения), так не может быть и преступления без последствий. Хотя в УК есть формальные составы деяний, где последствия преступлений выведены за пределы состава. Они не влияют на квалификацию преступления, но объективно могут учитываться при назначении наказания. Наряду с этим и в материальных составах преступлений отражаются далеко не все объективно существующие даже прямые последствия преступлений, я уже не говорю о последствиях отдаленных, побочных, косвенных, рикошетных. В зависимости от роли последствий в совершенных деяниях, они иногда именуются по-разному: **основными последствиями**, когда они являются необходимыми признаками преступления; **квалифицирующими**, когда они свидетельствуют о более тяжелой форме преступного поведения; **отягчающими** и даже **смягчающими**, когда они не предусмотрены в соответствующей статье закона, но наличествуют в перечне отягчающих или (редко) смягчающих обстоятельств.

Последствия преступлений могут исчисляться в точных цифрах, в общих чертах, как последствия тяжелые, выраженные в крупном ущербе и т.д. Характер и степень тяжести последствий имплицитно участвуют в категориальном делении преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие), хотя в основе этого деления в законе лежит не характер и тяжесть последствий, а *мера наказания*: лишение свободы (не превышает двух лет, превышает два года, не превышает 10 лет, свыше 10 лет). Тем не менее последствия преступления играют не последнюю роль при квалификации деяния и назначении наказания. Вот, пожалуй, и весь круг основных во-

просов о последствиях преступлений, которыми озабочено уголовное право.

Неимоверно шире и глубже интерес к последствиям преступлений в криминологии. Социальные последствия преступности имеют огромное и практически ни с чем не сравнимое значение для общества. В составе преступлений нет ни одного криминологически значимого признака, который бы конкурировал с преступными последствиями. Основная опасность заключена ведь не столько в самом факте преступления, а **в его последствиях**, которых добивался или к возможному наступлению которых пренебрежительно относился сам источник зла – преступник. Посмотрим, например, перечень и описание самых известных деяний 20 веков новой эры. Все они стали известными и “великими” главным образом благодаря своим последствиям².

Именно причинение преступных последствий исторически реально предопределило:

1) появление уголовных законов, процессуальные правила их применения, виды уголовных наказаний;

2) всю систему уголовной юстиции (милицию, полицию, следственный аппарат, прокуратуру, суды, адвокатуру, систему исполнения уголовных наказаний, многочисленные системы инструментальной и физической охраны);

3) подразделения ООН и международные организации, системно проводящие конгрессы, конференции и другие мероприятия в целях разработки международных конвенций и документов о контроле преступности в мире и отдельных странах для предотвращения преступных последствий;

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ.

² См.: Хроника человечества / Сост. Б. Харенберг. Изд. 2-е, доп. М., 2000; Великие преступления (Тайны XX века) / Авт.-сост. А. Островский. М., 2005; Криминальная хроника человечества (I–XXI вв.). Истории о политических и уголовных преступлениях / Авт.-сост. И. Джогадзе. М., 2007 и др.

4) всю совокупность мировых и национальных наук криминального цикла (уголовное право, уголовный процесс, исполнительное право, криминалистику, криминологию, виктимологию, судебную медицину, судебную психиатрию, уголовную статистику и другие научные дисциплины);

5) разветвленные международные и национальные практические организации Интерпола, Европола и других образований, осуществляющих непосредственный контроль транснациональной преступности, связанные с анализом преступности и ее следов (последствий) .

Несмотря на этот перечень влияния социальных последствий преступлений, фактически предопределяющего всю систему борьбы с преступностью (научную, законотворческую, методическую, организационную, правоприменительную, исполнительную и т.д.), **они практически никогда системно и целокупно не изучались и не изучаются в полной мере до сих пор в мире и в отдельных странах, в том числе и в России.** Детально исследуется преступность, судимость, prisoner (от англ. *prisoner* – заключенный). Но мы и сегодня не знаем всех прямых и косвенных, непосредственных и отдаленных социальных последствий преступности и борьбы с ней в сколько-нибудь обобщенном виде.

В нашей стране есть лишь единственная небольшая работа М.М. Бабаева данной проблематики³. Но и она при отсутствующих и закрытых необходимых фактических данных являлась в основе своей теоретическим и пробным исследованием. Хотя автор рассмотрел относительно широкий круг возможных проблем. Он правильно пишет: “Именно тяжкий вред, возникающий как следствие противоправного поведения в большинстве его форм, был и остается в числе главных, если не самым главным из факторов, объясняющих, почему борьба с преступностью рассматривается как одна из важных социальных проблем”⁴. И с этим нельзя не согласиться. Работа получила положительную оценку. Но данное

начинание не было подхвачено другими учеными, практиками и властями. Причины: организационные, политические, кадровые, методические и др. И это не только наша беда.

В мире вообще нет относительно полных сведений даже о самой преступности и почти нет никаких обобщающих сведений о ее социальных последствиях. М.М. Бабаев считает первым конструктивным обстоятельством, которое призвано стать базовым для понятия последствий, – **это вред, ущерб, урон**, наносимый объекту защиты. Далее он, разъясняя эти термины, дополняет их **потерями, убытками**⁵. И эти термины прямо или косвенно широко употребляются в законе. Даже, если мы ограничимся прямыми и непосредственными криминальными последствиями самых древних и распространенных преступлений, которые совершаются в отношении всех граждан, убийствами, разбоями, грабежами и кражами, то мы убедимся, насколько велик этот моральный, физический и материальный вред.

В первые годы нового столетия, когда казалось, что жизнь более или менее начала налаживаться, каждый час в России в среднем только регистрировалось 4–5 убийств, 5–7 разбойных нападений, 15–20 грабежей и до 150–200 краж. Реальное положение дел в 4–5 раз хуже. Перечисленные деяния составляют в структуре всей учтенной преступности до 60%. А если взять другие не менее распространенные, но более скрытые деяния, совершаемые в сфере экономики и корыстные (коррупционные) преступления в сфере государственной службы, то мы убедимся, что только выявленный ущерб составляет более трети или около половины всех экономических потерь государства. Последствия преступности, относящегося к различным видам и группам деяний, совершаемых в государстве преступлений, не могут быть ничем иным как огромным **совокупным вредом, причиняемым общественным отношениям**. Однако мы должны быть заинтересованы в обобщенном интегрированном анализе всех преступлений, а не только наиболее распространенных и зарегистрированных, а всех реально совершаемых⁶.

Конечно, вред, ущерб, урон, потери, убытки это в определенной мере обобщающие термины. В действительности социальные последствия очень разнообразны и конкретны. Они могут нарушать различные сферы жизни и деятельности людей. К ним относятся: моральные, психологи-

³ См.: Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982. В известных учебниках по криминологии последствиям преступлений уделяется ничтожно малое внимание, больше говорится о жертвах преступлений в виктимологическом плане (см.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2007. С. 211–215; Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 162–165; Криминология / Под ред. Дж. Шелли; пер. с англ. М., 2003. С. 221–243). В уголовном праве о социальных последствиях преступлений сказано лишь в юридически значимом плане, как составной части объективной стороны состава преступлений (см.: Курс советского уголовного права. В 6-ти т. Т. II. М., 1970. С. 152–153; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л., 1968. С. 329–338. Мало что изменилось в подходе к общественно опасным последствиям и в современных источниках (см., например: Курс уголовного права. Т.1 М., 2002. С. 233–241).

⁴ Бабаев М.М. Указ. соч. С. 3.

⁵ Там же. С. 10–11.

⁶ См.: Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001. М., 2002; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 142–233; Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере. М., 2002 и др.

ческие, семейные, физические, медицинские, экономические, производственные, технические, политические, организационные, военные, научные и иные нежелательные для общества последствия. Их очень трудно свести к единому знаменателю. И еще труднее выразить количественно. Но и серьезных попыток к такому обобщению практически не предпринималось. Хотя в различных науках криминального цикла, в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике, судебной медицине, криминологии, виктимологии, уголовной статистике есть анализ тех или иных последствий конкретных деяний, совершенных в конкретное время. Но они разрозненны, ограничены и единичны.

Врезка. В некоторых ситуациях с последствиями даже не очень считаются. Во время Великой Отечественной войны рефрен о том, что для победы “мы за ценой не постоим” был доминирующим. И многие воспринимали это как должное. Хотя были командиры, для которых сбережение личного состава являлось важнейшей составляющей. В настоящее время считается, что воевать и гибнуть должна боевая техника, а не люди. Начальники, взявшие незначительную высоту путем массовой гибели своих подчиненных – плохие вояки. **А вот в борьбе с преступностью при очень низкой эффективности и с огромными потерями, в том числе людскими, как-то об этом не задумываются. Нет знания и понимания социальных последствий преступности, ее истинной цены.**

Своеобразно к проблеме последствий преступности подошли Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский. Они попытались рассмотреть криминальное поведение в многомерной системе координат: биологической, экономической, демографической, социальной, политической, духовно-этической, сводя их к трехмерному измерению: биологическому, психическому и духовному бытию⁷. Но в своей работе они преследуют не столько методическую цель, которая вытекает из названия книги “Криминологическое измерение”, сколько методологическую. При таком подходе они считают, что поведение человека определяется “его собственным душевно-духовным состоянием, а также духовным состоянием взаимодействующего с ним общества”⁸. И на этой основе они и решают проблему “цены” преступности, к чему мы еще вернемся.

В этой своей оригинальной концепции они выходят за рамки социальных последствий преступности в самом широком понимании данного тер-

мина, дифференцируя “цену” преступности на “цену” криминальной экспансии, “цену” криминальной агрессии и “цену” криминального обмана. Но даже и при таком подходе с профессиональным использованием некоторых статистических данных и математических расчетов социальные последствия преступности (в широком понимании этого термина) не просматриваются в их интегрированном виде. А в этой интеграции и заключена основная криминологическая сущность социальных последствий преступлений, которая может **заставить** критически задуматься человеческому сообществу над оптимальностью своих усилий в борьбе с криминальным злом и над самой преступностью в целом.

Мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она фактически в целом обходится человеческому сообществу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому “незнанию”, как к стихии. И хотя о многом предполагаем и даже более или менее точно что-то прогнозируем, но нас пугают объективные тяжкие реалии, поскольку интуитивно понимаем, что, узнав все точно, мы ощутим еще большую беспомощность перед растущей и изощряющейся преступностью, выраженной в ее многочисленных и доселе нам не очень ведомых последствиях.

Такова печальная, но объективная криминальная реальность во всем ее многообразии. В криминологическом же и социальном отношениях для нас более значима **объективная потребность** в качественном и количественном (а может быть в условном стоимостном) выражении **действительной цены** реальных социальных последствий фактической преступности. При первом осторожном оценочном приближении к этой цене, она представляется **колоссальной**. С ней, если ее “взвесить” в полной мере, по-моему, не может конкурировать бюджет страны (для той же страны) и мира в целом (для мирового бюджета).

Если бы действительные последствия реальной (а не регистрируемой) преступности удалось, хотя бы в приближенном виде, но более или менее полно криминализировать, зарегистрировать, доказать, исчислить, а затем в меру сил и возможностей ее минимизировать (поскольку ее “искоренить”, “ликвидировать”, а сейчас появилось новое слово “подавить”, невозможно) человечесество жило бы в относительно достойных условиях. Ведь при всех недостатках средств существования на земле и их уменьшении, их пока вполне хватает для нормального потребления земель. Но **че-**

⁷ См.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / Под ред. К.К. Горяинова. М., 2008. С. 8–13, 228–256.

⁸ Они цитируют И.А. Ильина: “Зло начинается там, где начинается человек, и при том именно не человеческое тело во всех его проявлениях и состояниях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла” (Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М., 2005. С. 23).

людовечество несправимо извращено свободой социального неравенства: одни ставят золотые унитазы в своих туалетах, а другие не имеют нормальной воды для нормальной жизни. Поэтому, к великому сожалению, **социально врожденная преступность** не только не уменьшается, а неуклонно растет, расширяет сферу своей деятельности, интенсивно совершенствуется, используя все достижения науки и техники. Она проникает во все возможные щели социального организма, паразитируя на экономическом росте и на экономическом кризисе, на экономической свободе и ее свертывании; на расширении демократии и внедрении автократии; на мире и войне; на укреплении безопасности и ее снижении; на предупреждении разрушительных природных явлений и стихийных катаклизмов; на правовой зарегулированности и правовом вакууме, аномии и правовом нигилизме и т. д. и т. п.

Преступности все подвластно, если есть для нее хоть самая малая зацепка или щель. Она способна приноровиться к любой объективной ситуации, превратив ее в выгодные для себя условия. Свою выгоду (а применительно к теме: свои желаемые **последствия**), особенно преступники от власти, например, умеют находить всюду: в революции и контрреволюции, в войне и мире, в экономических успехах и банкротствах, реформах и застое, в человеческих трагедиях и гуманитарной помощи. Будучи составной частью государства, они оказываются проворнее, профессиональнее, умнее, богаче и защищеннее его. Криминальные последствия, прямые и косвенные, ближайшие и отдаленные, криминализированные и не криминализированные, выявленные и не выявленные, доказанные и не доказанные; физические и материальные, социальные и технические, биологические и приобретенные и т.д. имеют одну общую черту – они в желаниях преступника могут быть **безграничны**. “Мир достаточно велик, – говорил М. Ганди, – чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность”.

Общеизвестно, что **беснаказанность – серьезная причина преступности, значимый показатель беспомощности общества**. Остановимся только на учтенных преступлениях. В 2006 г. было зарегистрировано заявлений о предполагаемых преступлениях 19 305 176; рассмотрено – 19 254 697 сообщений и заявлений (99.7%); возбуждены уголовные дела по 3 262 617 заявлениям (16.9%). С учетом других источников информации было зарегистрировано 3 855 373 преступления, выявлено лиц, совершивших преступления – 1 360 860 человек (35.3%), привлечено к уголовной ответственности 1 315 546 (в том числе необоснованно – 28 406, оправданы, не доказаны), осуждено – 909 921 (23.6% к зарегистрированным деяниям и 69.2% по отношению к привлеченным к уголовной ответственности).

Избежали уголовной ответственности по различным причинам около 95% правонарушителей. Вот и вся эффективность. В этом плане нельзя не упомянуть об амнистиях. С 1994 г. у нас было проведено 11 амнистий⁹. Они имели и плюсы, и минусы. Особо широкая амнистия была организована в 2000 г. Было амнистировано 668.2 тыс. человек (по некоторым данным – более 750 тыс. человек; 206 200 было освобождено из исправительных учреждений и около 50 тыс. из СИЗО)¹⁰.

Врезка. Это была попытка уменьшить число заключенных в пропагандистских целях. Уменьшили. Но сейчас все восстановилось. Чтобы уменьшить число заключенных, нужно минимизировать преступность путем устранения причин преступности и оптимизации борьбы с ней. А вред очевиден. Амнистия лишает население страны, жертв преступлений и преступников веры в торжество правосудия. Она подорывает уважение граждан к справедливости правосудия. В соединении с пороками состязательного уголовного процесса, которое не озабочено поиском истины в правосудии, а основывается на том, кто кого “победит” в дебатах, а также на коррупции судей¹¹, говорить об уважении к правосудию не приходится.

В.В. Путин как-то сказал: “Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы”. И последние побеждают. Потому что они скрупулезно и с глубоким знанием “дела” изучают реалии предполагаемой преступной деятельности, исследуют практические возможности обхода закона, пути сокрытия преступной деятельности, возможности ее прикрытия, фальсификации, ухода от ответственности и т.д. Правда, это могли бы сделать и законодательные органы, при принятии законов. Но они этим не озабочены. Можно привести сотни примеров из практики Государственной Думы и Совета Федерации, которые пропускают эти лазейки и нередко не по недомыслию, а с оплаченным умыслом по тому же мотиву – жадности.

В последнее время (июнь 2008 г.), когда более четко стала проявляться политическая воля властей в борьбе с коррупцией, Генеральный прокурор Ю. Чайка победно докладывал Президенту РФ, что “органы прокуратуры уже проверили на предмет коррупции нормативно-правовые акты ряда регионов и “выявили более 100 нормативно-правовых актов, которые давали возможность коррупционерам где-то чувствовать себя более вольготно, где-то давали возможность установить дополнительные барьеры для малого и среднего бизнеса – создавали условия, чтобы они вынуждены были обращаться к чиновникам, где-то установили ряд дополнительных льгот, чтобы чи-

⁹ Лунеев В.В. Указ. соч. С. 834–835.

¹⁰ <http://www/cja.ru/strateg.htm>

¹¹ Даже председатели судов считают, что коррупцией охвачены около трети судей (см.: Есть женщины в русских судах // Росс. газ. 2008. 3 июля).

новники могли распоряжаться, кому их давать”¹². И эти лазейки были закрыты. Как здорово! Только возникает вопрос: а почему это не было сделано раньше? Нельзя не учитывать и следующее: преступления (я исключаю примитивные деяния примитивных голодных субъектов) совершают великие профессионалы, а их расследуют начинающие дилетанты¹³. Причем, первые действуют в рамках любых объективно безграничных возможностей, а вторые – в жестких ограничениях правовой действительности.

Врезка. Для иллюстрации этого положения, я иногда привожу условный, но показательный пример. Предположим, что в какой-то аудитории совершена кража ценнейшего предмета. Для его нахождения есть два пути. Первый: всех обыскать, найти предмет и виновного. Путь скорый, эффективный, дешевый, но в данном случае незаконный. Второй, после проведения мероприятия, более или менее полного установления фамилий всех присутствующих, всех допросить и передопросить, подозревая каждого, провести очные ставки в целях устранения противоречий, провести множество других действий, расследовать дело в течение многих месяцев и даже лет, израсходовать огромные деньги, чего не стоил сам предмет (как бы ни был он дорог), и ничего не найти. Путь очень долгий, дорогой, мало эффективный, но абсолютно законный. Где выход из этого тупикового положения? Вот где наука могла бы проявить себя, для того чтобы найти эффективный и демократический путь постижения истины по уголовным делам.

Речь идет не о попрании важнейших и выстраданных принципов уголовного правосудия и неотъемлемых прав человека. Речь идет об острой необходимости нахождения правового выхода из сложной и опасной криминологической ситуации и не только в нашей стране. Поле поиска лежит между двумя обозначенными позициями в сфере выработки эффективной и законной процедуры. Давно известно, что процедура всемогуща. Она может способствовать решению самых сложных проблем или загубить поиск даже очевидной истины. Но **как бы не относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может и не должна быть выше искомой истины по делу.** Известная сентенция “главная не истина, а процесс ее поиска” непригодна для правосудия. Оно перестает быть нужным и превращается в шоу.

У преступников нет строго обязательной процедуры. Они руководствуются лишь целесообразностью и эффективностью. Преступники и правоохранители, несмотря на огромные возможности и ресурсы последних, находятся далеко не в равных условиях. Отступле-

ние от норм права при расследовании и рассмотрении уголовных дел – путь к преступлению властей. Детальная формальная правовая регламентация каждого шага правоохранителей (по мотивам: как бы чего не вышло) – путь к недоверию лицам, ведущим борьбу с преступностью в опасных для жизни и здоровья условиях, путь к не эффективной системе уголовной юстиции, а иногда и к полной ее беспомощности перед криминалом.

Нельзя не учитывать и того, что в последние годы больше внимания уделяется заключенным, т.е. преступникам, чем потерпевшим и другим пострадавшим от плохого руководства страной граждан. Несомненно, заключенным – тяжело. Но при всей тесноте в камерах они находятся в относительном тепле и под крышей, там неважно кормят, но трижды в день, там не очень хорошо лечат, но необходимая медицинская помощь оказывается. Их выводят на прогулки, регулярно моют в бане, им меняют нательное и постельное белье, они могут участвовать в культурных мероприятиях, работать, учиться, приобретать профессию и т.д. В то же время в стране имеются миллионы “бомжей”, которые потеряли работу и жилье не только по своей вине, но и по вине беспомощного государства, которое не защищает своих граждан и не заботится о них. Может быть “бомжи” – не лучшие люди страны. Но многие из них стали “бомжами” из-за бездействия властей и безнаказанного действия преступников. У них нет ничего: ни крыши над головой, ни питания, ни медицинской помощи, ни одежды, ни возможности хоть иногда помыться. Причем среди этих “бомжей” доминируют дети, будущее страны и будущие преступники в стране.

Итак, многочисленные социальные последствия преступности практически фундаментально не изучаются, не обобщаются и математически (статистически) не оцениваются, а, следовательно, и не учитываются при разработке правовых основ борьбы с преступностью. Во что обходится реальная (а не учтенная) преступность обществу, мы не знаем. А именно знание реальной цены преступности должно, на наш взгляд, лежать и в основе оценки криминогенной обстановки в стране, в разработке эффективных путей минимизации преступности и ее возможного предупреждения. **Знание реальной цены преступности заставит искать более эффективные, более экономные и более разумные научно-обоснованные пути.** А если система уголовной юстиции работает на “желаемые” показатели, как, например, было в период выборов компаний Думы и Президента в конце 2007 и начале 2008 гг., где ничто не учитывалось кроме “жажды положительно выглядеть”, сколько бы это не стоило, то о какой реальной эффективности можно говорить. Приведу сомнительные цифры 2007 г. Преступность сократилась за один год: по убийствам – на 19.1%; по изнасилованиям – на 20.7%; по разбоям – на 24.2%; по грабегам – на 24.1%; по вымогательству – на 21.3%; по хулиганству – на 28.9%; теракты – на 57.1% и т.д. Мы в 2007 г. никаких особых мер по борьбе с преступностью не предпринимали, даже публично не

¹² Росс. газ. 2008. 3 июня.

¹³ По признанию Генпрокурора РФ, “одна из причин, почему за решетку попадают невинные, – низкий уровень квалификации следователей и дознавателей” (Росс. газ. 2008. 1 июня). Это было всегда, ибо преступники работают в той системе, где они совершают преступления, а следователи и дознаватели работают по тем делам, которые им дали. Профессионализация следователей и дознавателей в некоторых структурах есть, но она недостаточна. А ныне ее практически нет, поскольку идет омоложение и смена оперативных и следственных работников.

упоминали о ней. А результаты поразительные. Откуда? Да, было некоторое улучшение жизни. И что преступники сразу вяли этому? Наивность. Конечно, это результат служебного статистического мошенничества.

Преступность – очень инерционная система. Президент США Б. Клинтон, поставивший задачу сокращения растущей преступности в 1994 г., издал репрессивный закон, запретивший продажу 19 видов наступательного оружия, распространил применение смертной казни на 50 федеральных деяний, выделил дополнительно на борьбу с преступностью и ее предупреждение 30.2 млрд. долл. и принял другие серьезные меры. Только тогда за 8 лет своего правления он добился сокращения учтенной преступности на 22%. После него, когда уголовная политика Бушем была изменена, преступность стала интенсивно расти¹⁴.

Во время выборов депутатов Государственной Думы и Президента РФ в 2008 г. было высказано очень много внутренних и внешних планов и предложений, политических, экономических, социальных, образовательных, военных, технологических и других. Но **обеспечение прав человека, попирающихся преступностью, обеспечение безопасности граждан, социальные последствия преступности и эффективность борьбы с ней, цена преступности практически не затрагивались.** Этого не было даже в докладах Уполномоченного по правам человека в РФ. Впервые об этом упоминается лишь в докладе за 2007 г.¹⁵ Властные лица традиционно говорили лишь о коррупции, как будто она впервые была только открыта, хотя о ней твердили уже более 20 лет, но не

было политической воли. Ныне заговорили как о небывалом открытии. В.В. Путин образно назвал эффективным средством для борьбы с ней – “рубить лапы коррупционером”.

Преступность – одна из наиболее общественно опасных, вероломных и особо массовых форм посягательства на права и свободы человека, декларативно охраняемых государством, которое обычно во время преступного посягательства отсутствует. Эта охрана осуществляется в общей форме социально-правового контроля преступности и борьбы с ней в целях общей и частной превенции преступных нарушений прав человека и в строгих рамках закона. В связи с этим данный процесс, в отличие от мобильных и ничем неограниченных преступных посягательств, – процесс праворегулируемый, юрократизированный и “постфактумный”. Поэтому он крайне редко предотвращает преступления, нарушающие права человека, а действует, как правило, “по хвостам” и по очень ограниченному числу реальных посягательств. Но даже в этих условиях более или менее полного восстановления нарушенных прав и свобод не происходит. А если учесть еще и то, что до 80% реально совершенных преступлений остаются латентными (не заявленными, не зарегистрированными, не раскрытыми или недоказанными), то эффективность реальной защиты прав и свобод граждан государством в криминальной сфере является практически крайне ничтожной и почти эфемерной.

Как уже отмечалось, вся деятельность системы уголовной юстиции по защите прав пострадавших от преступлений в целях недопущения новых нарушений прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных строжайшим образом регламентирована. И у этих лиц и их наемных защитников есть значимые и четко прописанные права и свободы. Любые нарушения, которые являются публичными, легко фиксируются и нередко в сильно преувеличенном или искаженном виде могут быть доведены до прокуратуры, суда, прессы, общественности и т. д. К жалобам правонарушителей и их защитников относятся с сознанием презумпции их невиновности, а к объяснениям правоохранителей – с презумпцией виновности.

Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, нарушения законности со стороны правоохранительных органов нередки и это многократно подтверждено, поэтому легко принимаются на веру и правда, и ложь. Типичный пример: подсудимый, отказываясь от своих признательных показаний, сообщает суду, что они были “выбиты” у него силой и угрозами. Плюс к этому, его друзья и его адвокат (или по его подсказке) часто воздействуют на свидетелей, которые “забывают” свои прежние показания или изменяют их

¹⁴ ny.rambler.ru/news/?id=1011 · 30 КБ.

¹⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. // Росс. газ. 2008. 14 марта. Этому институту 10 лет. И он никогда не обращался к массовому нарушению прав человека преступностью, полагая, что это не входит в его обязанности. В упомянутом послании впервые появился разд. 8 о правах потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Мне приходилось писать об этой несурянице (см., например: Права человека и преступность в глобализирующем мире // Права человека и процессы глобализации современного мира. М., 2003. С. 425–462), а также беседовать с одним из руководителей этого института В.И. Селиверстовым. Он утверждал, что согласно действующему положению, преступность хотя и нарушает права человека, но это находится за пределами деятельности Уполномоченного по правам человека, поскольку его задача следить за соблюдением прав человека государственными структурами. Позиция странная. Как будто соблюдение прав потерпевших не входит в обязанности государственных органов. Повлияли ли мои убеждения на деятельность этой структуры или были иные инициативы, я не знаю. Но 4 июня 2008 г. в “Российской газете” появился специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ “Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений”, где рассматриваются основные вопросы нарушения прав потерпевших, но только в уголовном процессе. Тем не менее дело сдвинулось с мертвой точки. Криминальные последствия нарушений прав потерпевших должны стать предметом внимания и изучения.

под разными предлогами. Такие приемы срабатывают. Преступников оправдывают, а последствия преступлений остаются.

Во-вторых, во время предварительного следствия и суда обвиняемый или подсудимый является как бы “слабой” стороной, “жертвой” перед “сильной” системой уголовной юстиции, но в нашей стране общественное мнение очень часто, если не всегда, оказывается на стороне “слабого”. Муки потерпевшего от преступления в это время почему-то забываются. Этот психологический феномен очень точно выразила М. Цветаева: “Если я вижу насилие – я за жертву, если насильник убегает – я дам ему убежище”.

Все эти особенности нарушения прав и свобод преступниками являются очень значимыми, тем не менее, о правах пострадавших от преступлений (которые входят в общую цену преступности) наши правозащитники и общество в целом очень мало озабочены. В значительно большей мере у нас проявляется озабоченность нарушением часто малозначительных прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, права которых под воздействием синдрома 1937 г. постоянно расширяются, а права правоохранительных органов – сужаются. Хотя есть международный принцип: **любому расширению возможностей правонарушителей совершать безнаказанно преступления необходимо противопоставлять расширение возможностей и способностей в рамках закона.**

Даже, если иногда и упоминается в докладах Уполномоченного по правам человека, что в результате роста преступности в России грубейшим образом нарушаются основные права человека – на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, то о других нарушенных правах при совершении преступлений не упоминается.

Врезка. Преступления, будучи самыми опасными нарушениями прав человека, рассматриваются государством и обществом как неизбежные криминальные явления. В России, да и в других странах мира, преступные проявления, как правило, не включаются в статистику нарушений прав и свобод человека. Даже при самой опасной преступности (терроризм, убийства, бандитизм, торговля людьми и т.д.) правозащитники не станут говорить о нарушении прав и свобод человека. А вот если будут допущены те или иные нарушения в отношении субъектов этих преступлений, то страна может попасть в черный список государств – нарушителей прав человека. Речь идет не о том, чтобы не считать это нарушением прав человека, а о том, чтобы оценка этих нарушений была “равноправной”, системной и объективной, направленной на установление истины. Но это не заложено даже в международных документах. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г. с последующими поправками и протоколами), которая была принята почти два года спустя после Всеобщей декларации прав человека ООН, подчеркивается, что правительства, подписавшие Конвенцию, обеспечивают каждо-

му человеку, находящемуся под их юрисдикцией, соответствующие права и свободы. Из 24 перечисленных прав и свобод около 20 в той или иной мере находят отражение в диспозициях соответствующих статей Особенной части УК РФ, т.е. являются преступлениями. Примерно также права и свободы защищаются и в других странах. Таким образом, посягательство на большинство этих прав и свобод может квалифицироваться как преступление. **Тогда, почему же все преступления, попирающие анализируемые права и свободы, не значатся в числе учтенных нарушений прав и свобод человека в мировых и национальных анализах?**

Первое предположение. Значительное число преступлений против личности и ее конституционных прав и свобод совершается “свободными” частными людьми, а нарушения прав и свобод предполагает их поправление представителями государства. Но это объяснение выглядит не очень корректно. Второе предположение. Преступление или иное правонарушение может считаться нарушением прав и свобод человека, если оно “санкционировано” государством. Третье предположение. Если учитывать преступления объективно, как нарушения прав и свобод, то государства, считающие себя демократическими, у которых традиционно регистрируется самая высокая преступность, выпадут из графы демократических. Поэтому массовая преступность так называемых демократических стран рассценивается как нежелательная стихийная реальность в том или ином государстве или в мире в целом, а не как нарушение прав человека. Юридическая и фактическая неопределенность в этом вопросе и наличие двойных стандартов позволяют использовать права и свободы человека в определенных международных политических целях.

В этом плане интересен такой факт. В 2003 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала критическую статью “О правах человека в США за 2002 г.” В ней как раз и оценивается как нарушение прав человека разгул преступности в американском обществе, где каждые 2.7 секунды регистрируется одно из восьми серьезных преступлений (убийство, изнасилование, нападение, грабеж, кража автомашины, обычная кража, проникновение в помещение с целью совершения преступления, умышленный поджог), а всего их в 2001 г. было зарегистрировано около 12 млн. В 2002 г. во многих крупных городах США уровень учтенной преступности повысился на 36 – 67%. США критикуются в докладе за высокий уровень насилия, убийства от огнестрельного оружия, рост арестов, 24% из которых были незаконными, за ошибочные приговоры, казни несовершеннолетних и т.д.¹⁶ Но в самих США это не считается нарушением прав человека.

Таким образом, **между писаной и фактической реальностями конкретной страны дистанция может быть огромного размера. Образовавшийся разрыв неуклонно расширяется, свидетельствуя о “ножницах” между нашими правовыми декларациями и практикой жизни. Эти ножницы ука-**

¹⁶ См.: Агентство “Синьхуа”. 2003. 3 марта.

зывают на масштабы и тенденции нового идеологического и правового лицемерия. И это в первую очередь отражается на забвении социальных последствий преступности.

Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т.д. Удельный вес корысти в преступном поведении достигает 80 – 90% и более. Процесс “окорыствования” общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений интенсивно продолжается. Корыстолюбие, дикость и примитивность человеческого поведения еще в большей мере, чем в прошлые века становятся нормой нашего бытия и в нашу претендующую на цивилизованность эпоху. Надежды человечества на то, что прогресс, основанный на научно-техническом, демократическом, социальном и экономическом развитии, приведет к облагораживанию человеческой мотивации, практически не оправдываются и не только в нашей стране.

Основная правовая база правозначимых социальных последствий преступлений находится **в уголовных кодексах, других уголовных законах разных стран и международных конвенциях.** Именно эти последствия в основе своей предопределяют общественную опасность того или иного деяния, которая, в свою очередь, предваряет его криминализацию. В УК РФ преступные последствия выражены по-разному. Например, особо тяжкое последствие – причинение смерти другому человеку при различных ситуациях, вариациях, мотивациях и формах вины отражено в 31 статье Уголовного кодекса. Назовем их: **105 ч. 1 и 2; 106; 107; 108; 109; 110; 111 ч. 4; 131 ч. 3 п. “а”; 132 ч. 3 п. “а”; 205 ч. 3; 215 ч. 2; 216 ч. 2 и 3; 217 ч. 2 и 3; 219 ч. 2 и 3; 220 ч. 2 и 3; 227 ч. 3; 248 ч. 2; 250 ч. 3; 251 ч. 3; 252 ч. 3; 263 ч. 2 и 3; 264 ч. 2 и 3; 266 ч. 2 и 3; 267 ч. 2 и 3; 268 ч. 2 и 3; 269 ч. 2 и 3; 277; 295; 317; 350 ч. 2 и 3; 357.**

Последствия перечисленных деяний никогда вместе не обобщаются и не анализируются, поскольку они являются результатом различных видов преступлений. Но если к этому прибавить еще и высокую латентную, массовую, неестественную гибель людей (неизвестные, незарегистрированные, нераскрытые и недоказанные убийства; квалификация убийств не по числу погибших лиц, а по деянию, которое квалифицируется как убийство двух и более лиц, хотя могли погибнуть десятки и даже сотни граждан; отсутствие учета без вести пропавших лиц, которые были убиты); гибель людей от смертельно опасных алкоголя, продуктов питания, лекарств; гибель людей на производстве, при пожарах и массовых бедствиях, которые нередко оцениваются как результат личной неосторожности погибших, и т.д. Личная неосторожность, конечно, в той или

иной мере присутствует, но и вина государства в широком социальном понимании этого слова не может быть снята. Поэтому мы не знаем общего числа даже этих самых тяжких последствий в виде гибели людей при различных формах преступности.

А если проанализировать многие формы причинения вреда здоровью, потерю собственности, различных благ, другие виды финансового и материального ущерба, иные моральные, правовые и прочие ущемления, являющиеся последствиями различных преступлений, то о них мы можем иметь лишь самые отрывочные данные. В нашем уголовном законодательстве есть большое число преступлений, которые причиняют вред государству, правосудию, внешней безопасности страны, общественным отношениям, экономике, растительному и животному миру, которые не имеют реальных потерпевших. Кроме того, в уголовном законодательстве есть множество формальных деяний, которые оставляют после себя прямые или косвенные последствия, но они не имеют уголовно-правового значения для квалификации преступлений. Хотя они причиняют различные социальные последствия. В УК отражены лишь самые непосредственные последствия деяний (те, которые крайне необходимы для правильной квалификации преступления, а не для оценки всех имеющихся последствий). Но эти деяния могут иметь массу опосредованных, побочных, косвенных и отдаленных последствий, которые нередко являются не менее социально значимыми, чем прямые правозначимые.

Приведу пример. Водитель, нарушив правила дорожного движения, сбил женщину, которая от полученных травм скончалась. Неосторожное причинение смерти этой женщине является прямым и квалификационным признаком преступления, предусмотренного ст. 263 ч. 2 УК РФ. Но эта женщина была матерью троих детей, которых она воспитывала одна. Дети остались сиротами, со всеми вытекающими из этого последствиями. Косвенные последствия подобного рода даже не указаны в числеотягчающих обстоятельств, но они являются таковыми в нашем криминологическом понимании. И такие последствия, как правило, могут причиняться очень многими деяниями против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной службы и даже против мира и безопасности человечества.

В криминологической литературе такие побочные, отдаленные последствия именуются иногда рикошетными жертвами, которые испытывают такие же страдания и проявляют такие же симптомы психологических затруднений, как и первичные жертвы. Члены семей жертв убийств, партнеры и супруги изнасилованных женщин, ро-

дители ограбленных подростков, родственники потерпевших от краж и иных преступлений описывают сходные психологические симптомы от не прямой виктимизации так же, как и прямые жертвы¹⁷. По данным немецких виктимологов, у лиц, ставших жертвами ограблений или краж со взломом, наблюдаются: нервозность – 86% и 81%; истерический плач – 78% и 60%; страх – 75% и 70%; шок – 50.5% и 38%; нарушение памяти – 20% и 5%; гнев – 38% и 42%¹⁸. Аналогичные симптомы переживают и многие рикошетные жертвы преступлений. С.В. Землюков, изучавший социальные последствия преступлений, условно делит их на четыре типа: первый тип вредного изменения объекта посягательства характеризуется утратой материального или нематериального блага; второй – в определении вредного состояния; третий – в осуществлении запрещенной законом деятельности; четвертый – в недостижении общественного блага¹⁹. При всей условности такой классификации она имеет некоторую практическую ценность.

Врезка. Причиной Первой мировой войны, конечно же, были до предела обострившиеся противоречия между двумя коалициями капиталистических держав (германо-австрийский блок и Антанта), вызванные в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья и мировое господство. Но началась она после сараевского убийства наследника австро-венгерского престола Ф. Фердинанда и его жены, которое послужило значимым поводом для развязывания войны. В этом случае с большой натяжкой можно сказать, что война с ее огромными физическими, экономическими и культурными последствиями была побочным, косвенным результатом убийства Фердинанда. Не будь этого убийства, при появлении или наличии других условий события могли бы развиваться по-иному, может быть даже и по линии переговоров. В этом плане более обоснованно можно привести беспрецедентный обман народа и мировой общественности администрацией Президента США Буша о наличии ядерного оружия в Иракской республике и последствия этого международного мошенничества – колоссальные разрушения древнейшей иракской (вавилонской) цивилизации с уничтожением сотен тысяч мирных граждан. По таким же “липовым” основаниям была разгромлена Югославия. А какие последствия наступили после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в Японии?

Я привел эти примеры с очень отдаленными и особо тяжкими последствиями, где явственно просматриваются причинные связи между объективно криминальными действиями и страшными тяжкими последствиями для того, чтобы показать, что социальные последствия преступлений могут простираться очень далеко. И этого нельзя

не учитывать при углубленном и всестороннем анализе социальных последствий преступности. Отдаленные, косвенные и побочные последствия преступности должны учитываться и приниматься во внимание, в том числе и при оценке качества жизни.

Преступные последствия в своем конкретном выражении в соответствующих статьях уголовного Закона очень разнообразны. Обратимся к некоторым статьям УК РФ. Статья 105 – убийство: 1) причинение смерти другому человеку; 2) двух или более лиц; 3) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; 4) лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника; 5) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; 6) совершенное с особой жестокостью; 7) совершенное общеопасным способом; 8) сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; 9) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; 10) сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера; 11) в целях использования органов или тканей потерпевшего. Почти все формы убийств с отягчающими обстоятельствами связаны с серьезными побочными последствиями основного преступления – убийства, которые сами по себе криминально значимы.

Мы можем раскрыть и другие деяния против жизни и здоровья, проанализировать практически всю Особенную часть УК и убедиться, что сложные формы прямых, опосредованных, отдаленных или побочных (рикошетных) криминальных последствий практически доминируют в нем. Обобщить их в каких-то более или менее конкретизированных системах практически очень трудно. Но осознавать эти реалии и оценить их в определенной системе всех преступных последствий необходимо ибо главным образом на них строится и уточняется общественная опасность преступных деяний в целом.

Более общая классификация криминальных последствий естественно зависит от объема классификационных критериев, которые могут распределяться по 1) уголовно-правовой квалификации, 2) тяжести последствий, 3) их непосредственной удаленности от места совершения преступления, 4) характеру и содержанию последствий, 5) последствий, связанных с личностными и производственными отношениями и т. д.

Уголовно-правовая оценка последствий предопределена категорией деяния, четко установленной в ст. 15 УК РФ. И хотя в основу категорий положены характер вины и максимальное наказание, предусмотренные за данное деяние зако-

¹⁷ Туляков В.А. // <http://kiev-security.org.ua/box/13/11.shtml>

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1993. С. 16.

ном, в них имплицитно присутствуют причиненные преступлением последствия. Так, в ст. 15 УК в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, все преступления, внесенные в УК, подразделяются на деяния небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Для специалистов очевидно, что ядром каждого вида деяний, скрытым под терминами “небольшой”, “средней”, “тяжкой” и “особо тяжкой” являются самые разные, но объединенные по тяжести преступные последствия, или тот реальный, а иногда и возможный ущерб, причиняемый (может быть причиненный) объекту преступления.

У специалистов в области уголовного права по этому вопросу нет единого мнения: одни считают последствием преступления только фактически причиненный ущерб²⁰, другие и возможный, создающий опасность²¹. Но в УК предусмотрены несколько норм, которые сформулированы так: “...если это деяние повлекло или могло повлечь причинение вреда интересам безопасности государства” (ст. 340 – нарушение правил боевого дежурства или ст. 341 – нарушение правил несения пограничной службы). Некоторые современные исследователи вообще не касаются этого вопроса, выделяя лишь материальные и формальные составы, а также материальные и нематериальные последствия преступных действий, что, на наш взгляд, является результатом недостаточного понимания их уголовно-правового и особенно криминологического значения²². Слово “материальный” в сочетании с “формальным” имеет одно определение, а “материальный” и “нематериальный” – иное. В.В. Мальцев предпринял попытку обосновать реальные последствия в формальных составах. Однако, не выходя за пределы норм уголовного права, ему в ряде случаев далеко не все удалось. Для этого нужен был социально-правовой подход. Не следует забывать, что уголовно-правовые последствия могут иметь личностный характер и групповой, а также – производственный, служебный и семейный.

По своему **содержанию** (характеру) криминальные последствия могут быть: моральные, психологические, физические, материальные (экономические), политические, военные, технические.

По связи с преступной деятельностью криминальные последствия могут быть ближайшие и

отдаленные, непосредственные и опосредованные, прямые и побочные, включенные в составы деяний или не включенные.

2. Жертвы преступлений

Жертвы преступлений – это наиболее разработанная часть преступных последствий, которая выкристаллизовалась в специальное и даже в определенной мере “автономное” криминологическое направление – виктимологическое²³. В этом плане жертва рассматривается как элемент механизма преступного поведения, ее роль в формировании и предупреждении преступного поведения; жертва как личность с ее характерологическими, социальными и криминогенными особенностями, которые могут способствовать мотивации преступников. *Жертва преступления* – более широкое понятие, чем потерпевший от преступления. Жертвой международного военного преступления может быть признана Хиросима, город-символ, ставший 6 августа 1945 г. без всякой военной необходимости первой в истории жертвой применения ядерного оружия США против людей. Было уничтожено и искалечено более 140 тыс. человек, а город превращен в горящие руины.

Далеко не каждая жертва преступления, особенно побочная, отдаленная признается потерпевшей. Понятие потерпевший – уголовно-процессуальное, формальное, а понятие жертва преступления – виктимологическое, криминологическое, сущностное. В этом заключена основная суть учения о жертве преступления в виктимологическом аспекте. В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятой на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, под термином “жертвы” понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия нарушающего действующие национальные уголовные законы государств – членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. Термин “жертва” в этих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить викти-

²⁰ См.: *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С.139–140; *Кузнецова Н.Ф.* Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 20.

²¹ См.: *Пионтковский А.А.* Учение по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 174.

²² См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 191–193.

²³ См.: *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 8–32; *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб., 2000; *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.

мизацию²⁴. Имеются и другие международные и национальные документы, которые раскрывают понятие жертвы преступления применительно к различным ситуациям²⁵.

С этой точки зрения, репрессированные в СССР лица рассматриваются не субъектами преступлений, а жертвами политического произвола. По международным документам они приравнены к жертвам обычных преступлений²⁶. А под политическим произволом по Закону РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г. понимается “различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направление в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществляющиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами”.

В сугубо криминологическом плане жертву преступности целесообразно исследовать не только и не столько как элемент в системе механизма преступного поведения и его предупреждения, что является очень важным и широко распространенным, поскольку жертвы преступлений исследуются в системе причинности деяний, в качестве составной части механизма преступного поведения, в котором потерпевший играет соответствующую криминогенную или антикриминогенную роль. Для нашего аспекта подход к жертве важен иной, который бы отражал интегрированную статистико-криминологическую характеристику потерпевших (пострадавших), их статистический уровень, динамика, структура и возможный прогноз, т.е. когда жертвы преступности исследу-

ются как самое значимое и тяжкое **последствие преступности на статистическом и математическом уровнях.**

Виктимологический аспект давно относительно детально и успешно исследуется в специальном и самостоятельном разделе криминологии²⁷. 22 февраля в Европе даже отмечается “День жертв преступности”. А вот второй аспект изучения жертв преступлений на криминологическом уровне, т.е. так же, как и преступников, почти не анализировался и не только в нашей стране. Но у нас от этой проблемы “прячутся”. Ибо она с головой выдает все наши несовершенства и прорехи. До последнего времени, например, в отечественных статистических учетах и отчетности не было сколько-нибудь объективных сведений о потерпевших. Они рассматривались лишь как обычные социальные и физические последствия преступности. Этому способствовало и уголовное законодательство. Например, совершение преступления с огромным количеством жертв (теракт, взрыв в местах скопления большого количества людей, умышленный поджог и т.д.), приведшее к гибели огромного числа людей, квалифицируется по ст. 205 ч. 3 и 105 ч. 2 п “а” и “е” как террористический акт и убийство двух или более лиц и учитывается как совокупность двух деяний. И власти этим не озабочены. Им это даже “на руку” – меньше учтенных тяжких преступлений. Поэтому в стране даже на государственном уровне фактически никогда не знали и не знают о точной численности и характере жертв преступлений, о численности и характере потерпевших от преступлений, о численности и характере убитых в стране.

Кроме того, преступление и преступник вытесняли потерпевшего (пострадавшего) из равноправных участников процесса. Высказывалось даже порочное мнение, что интересы потерпевшего защищает сам потерпевший и участвующий в процессе прокурор, поэтому основная защита должна быть сосредоточена на заступничестве обвиняемого и подсудимого, т.е. на заступничестве преступника от “кровожадного прокурора” и суда. Довлеют беззакония 30-х годов. Даже сейчас после принятия нового УПК в нашем состязательном процессе потерпевший не всегда находится в равном положении с подсудимым. Например, при отказе государственного обвинителя от обвинения суд прекращает дело независимо от воли потерпевшего, что противоречит ст. 47 Конституции РФ, представляющей гражданину право

²⁴ См.: Лунеев В.В. VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Сов. гос. и право. 1991. № 2. С. 129–130.

²⁵ См., например: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. Сборник нормативных актов и официальных документов. М., 2003.

²⁶ Декларация основных принципов правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотреблений властью // VII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г. Нью-Йорк, 1986. С. 71.

²⁷ См.: Криминология. Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. С. 154–165; Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 197–212; Ривман Д.В. Указ. соч. С. 33–239; Шнайдер Г.И. Криминология / Пер. с нем. М., 1994. С. 346–375; Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шелли; пер. с англ. С. 103–132.

на судебную защиту. Имеются и другие нарушения равноправия подсудимого и потерпевшего²⁸. В советское время потерпевший тоже не был важной фигурой уголовного процесса. Все внимание было сосредоточено на подозреваемом, обвиняемом и подсудимом, на его осуждении. А в недалеком прошлом в процессе нашей безоглядной демократизации создавалось обратное впечатление, что “система уголовной юстиции существует только для защиты прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых”²⁹.

Потерпевший оставался на обочине уголовного процесса и судебной статистики. А если учесть высокий уровень латентности, мошенническую регистрацию преступлений, когда до 7–8 млн. объективно пострадавших от преступлений не получали никакой правовой помощи и защиты, а реальную меру уголовного наказания несли лишь около 5% преступников, учтенных и изблеченных! Поэтому до 95% реально совершаемой преступности в стране не получало должной правовой оценки. Исходя из этого, можно себе представить в каком положении находились лица, пострадавшие от преступлений. Правда, значительная доля их оставалась в таком положении, в том числе и по своей воле, поскольку они не сообщали в правоохранительные органы о совершенных против них преступлениях (как в силу недоверия к системе уголовной юстиции в целом, так и по причине нежелания “связываться с милицией”).

Известный ученик крупного процессуалиста М.С. Строговича В.М. Савицкий писал: “М.С. Строговича всегда чрезвычайно заботило создание условий, обеспечивающих эффективность уголовной политики, в частности вынесение справедливых приговоров. Всякая судебная ошибка – будь то осуждение невиновного или необоснованное оправдание преступника – ослабляет режим законности, препятствует выполнению задач, стоящих перед правосудием. Как избежать судебных ошибок, как добиться, чтобы каждый приговор содержал истину и ничего кроме истины, – этому ученик посвятил немало статей и специальную монографию”³⁰. Основным заступником состязательного процесса, соблюдения прав подсудимых и потерпевших и поиска истины в судебном процессе и был М.С. Строгович³¹. Ныне его учение в этой части практически забыто. Поиск истины в правосудии, чем он особо был озабочен, считает-

ся “химерой”. Активно борясь за установление истины в состязательном правосудии “любой ценой”, “продвинутые” современные процессуалисты подменяют ее победой в этом состязательном процессе, нередко тоже “любой ценой”. Однако борьба за истину в уголовном процессе продолжается³². Неправосудные приговоры даже с осуждением к смертной казни были явлением не редким³³. В последнее время неправосудность участвовала, в том числе и за тяжкие и особо тяжкие преступления. И в этом случае тоже есть потерпевшие (пострадавшие), но уже от самой власти.

В СССР и в России с точки зрения технологии учет преступности и судимости был поставлен на достаточно высокий уровень. И это шло еще из царской России³⁴. Недостатками учета было то, что он, будучи технически детально разработанным, фактически являлся стихийно выборочным и неполным. Он не отражал фактических реалий, так латентная преступность достигала 50–60–80%. В советское время вначале доминировал ведомственный учет. Официальный единый учет преступлений стал утверждаться в середине 50-х годов. В 1965 г. была принята первая инструкция о едином учете преступлений. В последующие годы она совершенствовалась. Последнее “совершенствование” осуществлено в конце 2005 г. В прежних учетах не было сведений о потерпевших и других последствиях, хотя в научной и учебной литературе это давно предлагалось. Однако имелись лишь сведения о возмещении материального ущерба и изъятии предметов преступной деятельности. Но и вновь введенная система не совершенна. Она урезана и не дает полных данных о всех жертвах преступлений по стране, поскольку все данные остаются в регионах. Но даже в регионах их нельзя изучать в динамике более трех лет. Это является очередным статистическим обманом со стороны правоохранительной системы. Именно поэтому обновленный учет потерпевших, действующий с 2006 г., не дает серьезных аналитических результатов. Подтверждается предположение, что власти не хотят знать уровня важнейших криминальных последствий, их динамику и прогноз.

³² См.: Рудов М.В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002; Тарасов А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве. Новый УПК России в действии. М., 2004. С. 71–78; “Истина – проблема судебного права, т.е. процессуального + судебно-процессуального” (см.: Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2002. С. 16).

³³ См.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2001.

³⁴ См.: Лунеев В.В. Юридическая статистика. Учебник. М., 2004. С. 74–93.

²⁸ См.: Комментарий к УПК РФ / Под ред. В.И. Радченко. М., 2007. С. 157.

²⁹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. С. 85.

³⁰ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства. М., 1935: Сборник “Опередивший время”. К столетию со дня рождения М.С. Строговича. М., 1994. С. 21–40.

³¹ См.: там же. С. 27.

Врезка. 29 декабря 2005 г. Генеральным прокурором, Министром по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министром экономического развития и торговли, Директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Министром внутренних дел, Министром юстиции и Директором ФСБ были подписаны: приказ о едином учете преступлений, который введен в действие с 1 января 2006 г.; Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях; Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений; Инструкция о порядке заполнения и представления учетных документов и восемь форм статистических карточек, в том числе: форма № 4 – статистическая карточка о результатах возмещения материального ущерба и изъятии предметов преступной деятельности и **форма № 5 – о потерпевшем (которая действует с 1 июля 2006 г.).**

Статкарточка о потерпевшем введена исторически впервые. В ней отражается квалификация преступления, подробная характеристика потерпевшего (погиб, тяжесть физического вреда здоровью, возраст, состояние опьянения, отношение к преступнику и др.), причиненный материальный ущерб, социальное положение, должностное положение, гражданство, страна проживания, цель приезда, форма собственности потерпевшего юридического лица, место совершения преступления и т.д. Есть и странное указание: учету подлежат сведения о физических и юридических лицах, признанных в установленном законом потерпевшими; о физических лицах, смерть которых наступила в результате совершенных в отношении них преступлений до момента вынесения постановления о признании их потерпевшими. Учитывается только непосредственный физический и материальный вред. Не учитываются все остальные виды и формы причиняемого вреда. Учету не подлежат сведения о лицах – близких родственниках, законно признанных потерпевшими по уголовному делу о преступлении, последствиями которых явилась смерть лица. О какой полноте учета жертв преступлений (прямых, косвенных, отдаленных и т.д.) может идти речь, когда властями не рекомендуется учитывать даже потерпевших, признанных таковыми по уголовному делу? Можно ли в этих условиях видеть картину потерпевших по стране? Более того, сведения о потерпевших остаются в информационных центрах регионов и в центр (ГИАЦ МВД РФ) в виде отчетов не высылаются. Через три года данные из электронных систем региональных ИЦ выбрасываются. Никаких накопительных систем нет.

Во многих странах, где власти хотят знать о том, что творится в их стране, разработаны относительно объективные пути учета жертв преступлений. В Великобритании, например, организован параллельный канал получения более объективных сведений. Там нет единого учета преступности. Он ведется раздельно по территориям: Англия и Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия. Показатели этих территорий в силу различий в законодательстве, судебной практике и в статистических параметрах не совсем сопоставимы. Хотя такие попытки делаются. Например, со-

гласно источникам Home Office, Scottish Executive, Royal Ulster Constabulary³⁵ в 1999 г. в Англии и Уэльсе было учтено 5 301 тыс., в Шотландии 436 тыс., а в Северной Ирландии – 119 тыс. преступлений с распределением по некоторым основным видам. Неизвестным остается учет преступности в многочисленных заморских территориях.

Преступность в Англии и Уэльсе составляет около 90% деяний, совершенных в Великобритании в целом. По данным ООН, в 2000 г. там было зарегистрировано 5.2 млн. преступлений, но, согласно официальному отчету МВД Великобритании (The British Crime Survey), преступность на этой территории составила 12.9 млн. деяний³⁶. Это более чем в два с половиной раза больше, чем правительство представляло в ООН.

В чем причины таких расхождений? В несовершенном учете³⁷.

В целях более полного изучения преступности с 1982 г. в Великобритании стала системно исследоваться **виктимизация населения**. В процессе опросов населения по программе Британского обзора преступности (The British Crime Survey – BCS), который стал таким же официальным, как и “Криминальная статистика Англии и Уэльса”, оказалось, что фактическая преступность почти в 4 раза больше учтенной³⁸. Например, в 2000 г. полицией этой территории учтено 2.5 млн. наиболее распространенных 10 видов преступлений, но по опросам населения их было выявлено 9.9 млн. тех же видов³⁹. Таким образом, 3/4 реальной преступности и при таком подходе оказывается латентной. Если же учесть, что в Англии и Уэльсе есть и другие неточности в учете преступности, то результаты окажутся очень неутешительными для индустриально развитой, богатой и демократической страны Старого света. И это при условии, что там предпринимаются не только описанные выше, но и другие серьезные меры по объективизации криминологической обстановки в стране, по выявлению и изучению жертв преступности. Министр внутренних дел Великобритании Дэвид Бланкет, руководствуясь данными BCS (The British Crime Survey) как официальным источником, хотя данные его в разы расходятся с учтенными преступлениями, вынужден был сказать: “Наше общество предстает в чудовищном свете. В прошлом году (2000 г. о всей преступности. – В.Л.) было совершено 13 млн. преступлений. Получается практически каждый четвертый житель

³⁵ www.home office.gov.uk

³⁶ http://news.bbc.co.uk/russian/uk/newsid_1620000/1620434.stm

³⁷ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. С. 51–53.

³⁸ Ведерникова О.Н. Указ. соч. С. 188–189.

³⁹ The British Crime Survey. 2001. P. 8.

страны – жертва преступления”⁴⁰. В его высказывании звучала не жажда показать, как у них все хорошо, а **забота о потерпевших**.

Важную криминологическую информацию несут коэффициенты отдельных видов деяний.

Для большего приближения к мировым криминологическим (виктимологическим) реалиям сопоставим сведения Пятого обзора ООН (1990–1994) с относительно сопоставимыми по времени результатами Международного обзора жертв преступлений (ICVS: 1989–1996 годы)⁴¹. Опрос проводился в 55 странах, расположенных в шести регионах мира (к сожалению, они не совсем совпадают с региональным делением Пятого обзора).

Врезка. Регионы: 1) Западная Европа включала в себя 15 стран и территорий – Австрию, Бельгию, Англию и Уэльс, Финляндию, Францию, Германию (Западную), Италию, Мальту, Нидерланды, Северную Ирландию, Норвегию, Шотландию, Испанию, Швецию, Швейцарию (12 828 ответов); 2) Новый мир – 4 страны – Австралию, Канаду, Новую Зеландию и США (5 951 ответ); 3) Центральная и Восточная Европа – 39 стран – Албанию, Белоруссию, Болгарию, Хорватию, Чехию, Эстонию, Грузию, Венгрию, Кыргызстан, Латвию, Литву, Македонию, Монголию, Польшу, Румынию, Россию, Словению, Украину, Югославию (21 972 ответа); 4) Азия – 4 страны – Китай, Индию, Индонезию, Филиппины (10 490 ответов); 5) Африка – 6 стран – Египет, Южную Африку, Танзанию, Тунис, Уганду, Зимбабве (8 108 ответов); 6) Латинская Америка – 6 стран – Аргентину, Боливию, Бразилию, Колумбию, Коста-Рику, Парагвай (8 015 ответов).

Опросы показали: 32.3% виктимизированных пострадали от краж, 20.4 – от проникновений в помещение, 20.4 – от контактных преступлений (нападение, грабеж и др.), 7.4 – от сексуальных и несексуальных нападений на женщин, 6.2 – от нападений на мужчин и 63.7% от иных преступлений (общее число виктимизированных лиц превышает 100%, так как многие подвергались нескольким посягательствам). По мнению жертв преступлений всех регионов, в том числе Азии, Африки, Центральной и Восточной Европы и Латинской Америки, на первом месте по серьезности стоит кража автомашины, для жертв Нового мира – сексуальное посягательство, для жертв Западной Европы – грабеж с применением оружия.

Сравнение данных полиции о регистрации преступлений по Пятому обзору ООН с результатами Международного обзора жертв преступлений (ICVS: 1989–1996 годы) показывает, что последние данные являются более полными. При этом надо иметь в виду, что мнения людей в современ-

Таблица 1. Сравнение изменений преступности по данным полиции Пятого обзора ООН (1990–1994) и по результатам изучения виктимизации (ICVS: 1989–1996 годы)

Страны	Данные полиции	Данные опроса
Англия и Уэльс	+33.6	+84.0
Нидерланды	+1.4	+24.0
Финляндия	+10.6	+24.0
США	–7.9	–23.5
Канада	+0.7	–9.0

Примечание. Знак “+” означает рост преступности, знак “–” означает снижение. В эти годы, во времена президента Клинтона, преступность США снижалась.

ном мире формируется не только на основе личных встреч с преступником, сколько средствами массовой информации, увлеченных криминальными сенсациями. И это может отражаться на ответах опрашиваемых лиц (табл. 1).

Данные пяти обзоров ООН и сделанные на их основании выводы практически полностью были подтверждены сведениями, полученными в итоге Шестого (1995–1997 годы) и Седьмого (1998–2000 годы) обзоров ООН. В результате многолетней работы по сбору криминальной статистики появилась возможность обобщить данные преступности, нашедшие отражение во многих обзорах.

Таким образом, в мире и отдельных странах есть ряд позитивных примеров, позволяющих объективировать данные о жертвах преступлений. Но для нашей страны это не является важным и актуальным. Незнание реалий дает некоторое спокойствие для жизни и работы. Пока. А что будет завтра? Жизнь покажет. Отсутствие системного анализа и прогноза криминальных виктимологических явлений – самый плохой управленческий принцип.

Приведу только один пример. **Убийство многие считают самым низко латентным деянием, а значит и борьба с ним ведется якобы более эффективно.** Так ли это в России? В 2003 г. в стране было зарегистрировано 32 тыс. убийств, или 22.4 убийства на 100 тыс. населения. В последние годы шел процесс снижения числа *учтенных* убийств (в 2007 г. – 15.7 убийств на 100 тыс. населения). Это вызывает большие сомнения. Как уже отмечалось, в России учет убийств осуществляется по фактам, а не по жертвам, как, например, в США, т.е. убийство десятков или сотен человек взрывом – это у нас одно преступление, квалифицируемое как убийство двух и более лиц, совершенное общественно-опасным способом. Например, в том же 2003 г. был учтен 561 террористический акт, унесший сотни жизней, а по учету – две статьи: терроризм и убийство двух и более лиц.

⁴⁰ BBC. Русская служба. 2001. 25 окт.: // http://news.bbc.co.uk/1/hi/Russian/uk/newsid_1620000/1620434.stm

⁴¹ Global Report on Crime and Justice. Graeme Newman / Ed. Published for the United Nations. New York, 1999. P. 25–41.

Кроме того, в России ежегодно регистрируется до 50–60 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, более трети которых заканчиваются последующей смертью потерпевшего, но как убийство не квалифицируется. Около 30 тыс. человек без вести пропавших не находится и более чем сопоставимое количество обнаруживается неопознанных трупов. В 2007 г. число неопознанных трупов составило 76 780, а без вести пропало и не найдено 49 498 человек. Со временем становится очевидным: большинство из них были убиты, но их в статистике нет. А обнаружение некоторых трупов через много лет часто не дает оснований для бесспорного заключения о насильственной смерти.

Заглянем в УК РФ. Там мы найдем и другие формы гибели людей, которые не учитываются в общем числе убитых: убийство матерью новорожденного ребенка (приводятся данные за 2007 г. – 148), убийство, совершенное в состоянии аффекта (183), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (532), убийство при превышении мер, необходимых для задержания (8), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (445), причинение смерти по неосторожности (1749), доведение до самоубийства (113), неоказание помощи больному (122), оставление в опасности (984), бандитизм (348). Сколько человек гибнет при нарушении правил безопасности в различных сферах и на автомобильном, воздушном и водном транспорте (около 27 тыс.), при употреблении ядовитого алкоголя, наркотиков, некачественных лекарств (около 6 тыс.) и т. д. Есть и иные статистически значимые особенности. Если все это сложить, коэффициент убийств возрастет в 4–5–6 раз, до 80–100 убийств на 100 тыс. населения⁴².

По данным же ООН, которые мной уже приводились, в мире в среднем совершается 9,8 убийств на 100 тыс. населения, в арабских государствах – 2,4, в Западной Европе – 3,5, в Южной Азии – 7,2, в Северной Америке – 9,0, Африке – 15, в Латинской Америке – 21,0. При учете приведенных данных уровень убийств в России на порядок выше среднемировых, а по сравнению с некоторыми регионами – еще больше.

⁴² По статистическим данным 2001 г., например, от несчастных случаев, отравлений и травм погибло 331 634 человека, в том числе: от случайных отравлений алкоголем – 41 091; от всех видов транспортных травм – 40 722; от самоубийств – 57 284; от убийств – 42 921 (см.: Демографический ежегодник России. Официальное издание. Госкомстат России. М., 2002. С. 214). Аналогичные цифры мы видим и в 2000 г.: от несчастных случаев, отравлений и травм погибло 318 716, в том числе от случайных отравлений алкоголем 37 214, от всех видов транспортных травм – 39 565, от самоубийств – 56 934, от убийств – 41 090 (Демографический ежегодник России. Официальное издание. Госкомстат России. М., 2001 С. 214). Итак, ежегодно.

Сопоставим: уровень учтенной преступности в России в 4–6 ниже, а уровень умышленных убийств в 8–10 раз выше, чем в Западной Европе. Это результат регулируемой статистики: все что можно, прячется, что трудно спрятать регистрируется⁴³. Всего же в России не своей смертью от умышленных и неосторожных деяний, от некачественных продуктов, лекарств, алкоголя и наркотиков погибает до 500 тыс. человек в год. И это мало кого волнует. Хотя данная проблема фундаментального значения.

Европейские меры для нас не адекватны. Надо искать более эффективные выходы. Их можно найти лишь на основе фундаментальных комплексных исследований, которые бы раскрыли действительное положение дел. Но без более или менее адекватного отражения криминальных последствий (их форм и видов) практически невозможно разрабатывать эффективные меры их предупреждения и борьбы с ними.

3. “Совокупная” цена преступности для общества

Каким путем в наших отечественных условиях можно исследовать и рассчитать “совокупную” цену преступности? Этот вопрос легко поставить, но очень трудно на него ответить. И еще труднее систематически в динамике его исследовать. Вообще, если власть озабочится таким вопросом, позволит получить необходимые и имеющиеся официальные статистические сведения, создаст минимальные условия для широкого и многоэтапного репрезентативного опроса населения, то можно получить интегральные данные, которые приблизят изучающих к более или менее реальному положению дел с потерпевшими и другими социальными последствиями преступности. А затем, уточнив методики, проводить такие опросы ежегодно или (как в некоторых странах) два раза в году. Ибо за год трудно вспомнить и само криминальное событие, и время его свершения.

В настоящее время на основе ведомственной статистики МВД РФ мы можем подсчитать материальный ущерб от зарегистрированных преступлений и его возмещение, хотя бы за послед-

⁴³ Статистическое мошенничество “выглядеть лучше, чем есть” – историческая проблема нашей страны. Р.В. Скомоухов и В.Н. Шиханов установили, что уголовная статистика имплицитно включена в процессы управления правоохранительными органами. Поэтому, чтобы решать проблемы обеспечения достоверности уголовной статистики, нужно исследовать и нейтрализовать те факторы в деятельности правоохранительных органов, которые обуславливают их вмешательство в процессы формирования статистической отчетности, делают их заинтересованными в содержании отчетности вопреки реальному положению дел (см.: Скомоухов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006. С. IV).

Таблица 2. Материальный ущерб и его возмещение в 2002–2007 гг. (в млн. руб.)

Годы	Установленный материальный ущерб	Динамика в %%	Возмещенный материальный ущерб	Доля в %%	Динамика доли в %%
2002	88302.7	100.0	19011.6	21.5	100.0
2003	88477.1	100.2	15019.4	16.9	78.6
2004	129274.4	146.4	50959.3	39.4	183.2
2005	691500.0	783.1	530146.0	76.6	356.3
2006	182950.2	207.2	61127.5	33.4	155.3
2007	282145.5	319.5	91909.9	32.6	151.6
Итого	1462649.9	–	768173.7	52.5	–

ние пять лет (табл. 2). За пять лет он составил 1.5 трилл. руб. Однако было возвращено государству и потерпевшим лишь около половины установленного ущерба. И та, и другая цифра – капли в море. Они отражают лишь то, чего смогли добиться правоохранительные органы. Реальный ущерб в десятки раз больше установленного. А о возмещении реального ущерба и говорить не приходится. Он минимален.

Врезка. Но организация данного исследования имеет почти непреодолимые трудности. В свое время мне пришлось изучать численность политически репрессированных в СССР. Точных данных, документальных и даже оценочных, не было. После изучения контрреволюционной (государственной) преступности по обобщенным отчетам ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ СССР и при первичной публикации данных в журнале “Государство и право” в 1994 г., а также в первом издании книги “Преступность XX века”, я прямо указывал, что это официальные, но далеко неполные данные о политических репрессиях в СССР. Согласно им в СССР за 1918–1958 годы было привлечено к уголовной ответственности 7 024 936 человек. Хотя это и вдвое больше, чем объявлял Н.С. Хрущев и другие официальные лица (3.8 млн.), но, по моим подсчетам, в 6 раз меньше общего числа реальных репрессий. Тем не менее предложенную мной таблицу никто не оспорил.

По нашим осторожным подсчетам число репрессированных было на порядок выше официально объявленных и составляло около 40 млн. человек. Но даже при таком очень осторожном подсчете на основе более или менее надежных данных официальные сообщения оказываются серьезно заниженными. Поэтому 5 октября 2001 г. Администрация Президента РФ по просьбе покойного А.Н. Яковлева (председателя комиссии по реабилитации) к властям заключила через Институт государства и права со мной государственный контракт на выполнение научно-исследовательской работы “Разработка методики подсчета общего количества граждан, репрессированных за годы советской власти (для доклада Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, представляемого Президенту Российской Федерации)”. Срок был административно установлен до 23 ноября 2001 г., т.е. около месяца. В меру своих сил и

возможностей за этот короткий срок я исполнил этот контракт, включая даже общий подсчет репрессированных по опубликованным материалам, и представил соответствующий отчет. Во введении к нему я писал, что тема исследования, фактическое время и объем финансирования, которые на него отведены, являются не адекватными. Если руководство страны действительно желает серьезно разобраться в этой сложной и политически важной проблеме, то необходимо создать исследовательскую группу разных специалистов (криминологов, социологов, историков, демографов, статистиков и архивистов), которые на основе статистических, демографических, исторических и архивных материалов могут приблизиться к ее более или менее объективной оценке.

Без фундаментального анализа архивных документов, – полагал я, – никакой объективный подсчет репрессированных невозможен. Трудность применения этого метода состояла в том, что искомые сведения очень разнородны и не находятся в каком-то одном архиве. Они находятся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), в Архиве Госкомстата, в архивах МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, в Российском военно-историческом архиве, в архивах субъектов федерации, их городов и районов, а также в архивах бывших союзных республик, а ныне самостоятельных стран СНГ и Прибалтики⁴⁴. Где, например, можно установить число расстрелянных во второй половине 30-х и в начале 40-х годов в урочище Куропаты (оценка от 30 до 100 тыс. человек, а по некоторым подсчетам – до 200 тыс.⁴⁵)? Только в Белоруссии. То же можно сказать и о других массовых расстрелах и иных форм ре-

⁴⁴ Генеральная Прокуратура РФ и МВД России издали сборники законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, по которым можно судить об объеме возможной работы по более или менее адекватному подсчету количества репрессированных лиц в СССР (Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Под ред. Г.Ф. Веселовской. Ч. I и Ч. II. Курск, 1999; Сборник законодательных и нормативных актов стран СНГ и Балтии по вопросам реабилитации жертв политических репрессий / Под ред. Г.Л. Лежикова. М., 1996.

⁴⁵ См.: Ефанов В. Куропаты недомыслия // Росс. газ. 2001. 10 нояб.

прессий жертв советского режима”. Меня поблагодарили, но никаких движений в этом отношении больше не было. Видимо, просьба о разработке методики подсчета репрессированных предполагала какой-то легкий и “выгодный” для власти статистико-математический прием. Это наивность.

Но в каждом ведомстве сложная структура с огромными штатами. Например, МВД РФ возглавляется высшим руководством ведомства: министром, первым заместителем министра, статс-секретарем – заместителем министра и еще двумя заместителями министрами. На этом же уровне находится Миграционная служба РФ. А далее идут Главное командование внутренних войск, численность которых составляет около 200 тыс. человек, Следственный комитет, Департамент обеспечения правопорядка на транспорте, Административный департамент, Департамент государственной защиты имущества, Департамент кадрового обеспечения, Департамент обеспечения безопасности дорожного движения, Департамент обеспечения правопорядка на закрытых территориях и режимных объектах, Департамент охраны общественного порядка, Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, Департамент собственной безопасности, Департамент тыла, Департамент уголовного розыска, Департамент экономической безопасности, Организационно-инспекторский департамент, Правовой департамент, Финансово-экономический департамент, Главный информационно-аналитический центр, Экспертно-криминалистический центр, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Национальное центральное бюро Интерпола при МВД России, Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европейской полицейской организацией (Европол). Каждый департамент (центр, учреждение) имеет огромные штаты. Сюда следует включить ГИБДД и т.д., а также большой перечень высших и средних учебных заведений: Академию управления МВД, Московский университет МВД РФ, Воронежский юридический институт МВД РФ, Нижегородскую академию МВД РФ, Санкт-Петербургскую академию МВД РФ, Чебоксарский филиал юридического института МВД РФ, Елабужскую среднюю школу милиции и Новочеркасское суворовское военное училище МВД РФ и т. д. В некоторых военно-учебных заведениях внутренних войск МВД РФ можно получить не только высшее военно-специальное образование и звание офицера внутренних войск, но и специальность юриста. Среди российских вузов это – Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, Саратовский военный краснознаменный институт ВВ МВД РФ, Пермский военный институт ВВ МВД РФ, Новосибирский военный институт ВВ МВД РФ и Северо-Кавказский военный институт

ВВ МВД РФ. Всего в МВД РФ около 75 учебных заведений⁴⁶.

Аналогичные перечни можно привести по многим юридическим ведомствам, которые прямо или косвенно включены в систему уголовной и административной юстиции, работа которых направлена на поддержание правопорядка и предупреждение преступлений и правонарушений не только в центре, но и в округах, республиках, краях, областях, городах, районах, населенных пунктах. Но полных и открытых данных, как по МВД, так и по другим ведомствам данного профиля, нет.

В 2008 г. нами, например, было предпринято решение о получении некоторых данных для оценки эффективности деятельности правоохранительных органов. Были посланы запросы первым лицам от ИГП РАН Генеральному прокурору РФ, Министру юстиции РФ, Председателю Верховного Суда РФ, Директору Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Главному военному прокурору, Начальнику Главного управления военных судов, Министру внутренних дел РФ соответствующего содержания. В качестве примера приведем письмо Генпрокурору. Письма в другие ведомства были идентичными. Различия заключались лишь в названии ведомств, их сотрудников и их бюджета. “В Институте государства и права Российской академии наук, – писали мы, – разрабатывается комплексный проект о мировой и отечественной криминологии, одной из проблем которого является изучение социальных последствий, жертв, совокупной “цены” преступности и эффективности борьбы с ней системы уголовной юстиции в плане сравнительного анализа отечественных и зарубежных данных. Эта проблема в нашей стране ранее системно и комплексно никогда не исследовалась. Полученные результаты могут служить надежной основой для совершенствования правовых, организационных, социальных и экономических реалий борьбы с преступностью в нашей стране.

Для предметной реализации этого проекта, кроме имеющихся данных о результатах деятельности правоохранительных органов и судов, необходимы дополнительные сведения: 1) о штатной численности прокурорских, следственных и оперативных работников в стране, подчиненных Генеральному прокурору, за 2003–2007 годы; 2) о бюджете Генеральной прокуратуры за те же 2003–2007 годы. Прошу Вашего распоряжения о предоставлении запрашиваемых данных по следующей примерной схеме, которая прилагается...”.

⁴⁶ Данные взяты из книги “Вся юридическая Россия”. М., 1999.

Некоторые ведомства вообще не ответили на наш запрос. Они посчитали такую переписку с академическим научным учреждением ниже своего достоинства. Три ведомства (Судебный департамент, Главная военная прокуратура, Главное управление военных судов) сообщили, что они вообще не владеют этими данными (смешно!) и только Генеральная прокуратура прислала данные о численном составе прокуратуры, но отказала в сообщении финансовых расходов. Таким образом, общий результат запросов – нулевой. Никакой расчет по полученным данным не возможен. Но самое главное, в изучении реальной эффективности борьбы с преступностью и ее цены никто не заинтересован. Тем более, это касается бюджета, численности “родных” кадров и что ими реально делается.

Запрашиваемые данные о преступности и нарушениях прав человека, согласно Закону о государственной тайне, не могут быть засекречены. Кто дал право руководителям этих ведомств, которые существуют для соблюдения законов, попирающих их требования и пренебрежительно относиться к объективно необходимым научным запросам РАН? Вспомним, как открыто и честно высказался министр внутренних дел Д. Бланкет о беспрецедентном росте преступности в Великобритании, выявленном при опросе граждан.

В УК РФ есть ст. 140 – отказ от представления гражданину информации. Она гласит: “Неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан”. Одно уточнение: данные запрашивались Институтом государства и права РАН⁴⁷.

Врезка. В цену преступности должны входить злоупотребления правоохранителей и судей. На сайте <http://genproc-gov-po.narod.ru> (от 21 марта 2008 г.) говорится о злоупотреблениях Генерального прокурора и других прокурорских работников, приводятся данные опроса граждан и некоторые нелицеприятные факты. На вопрос: “Доверяете ли Вы прокурорам? 76% граждан ответили – не доверяю; 7% ответили – доверяю”. В то же время Генпрокурор проявляет исключительную активность в печати. Он сообщает об ошибках следствия. По словам Ю. Чайки и А. Кудрина, имеется много случаев незаконного привлечения граждан к уго-

ловной ответственности, что не только бьет по репутации правоохранительных органов, но и по карману государства. Невинные жертвы следствия после реабилитации идут в суд и требуют финансовой компенсации за моральный и материальный ущерб. И таких тысячи. Если по данным 2000–2002 г. число исков от жертв следственных ошибок не превышало 250, то в 2007 г. только количество исполнительных листов перевалило за 1200. При этом из бюджета пришлось заплатить 120 млн. руб. 2008 г. тоже обещает быть урожайным на иски. Только в первом квартале в суды уже обратились 545 человек⁴⁸.

У нас есть единственная возможность показать работу одного из самых открытых ведомств, работающего в смежной области с системой уголовной юстиции в связи с последствиями чрезвычайных ситуаций в РФ за последние 5 лет (2003–2007 годы). Причем следует отдавать отчет в том, что значительная часть этих последствий не является явно преступной и в то же время многие последствия чрезвычайных происшествий, особенно пожаров, являются рукотворными, только субъекты этих творений, как правило, не устанавливаются по многим объективным и субъективным причинам.

По статистике Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий все они условно делятся по сферам: техногенные, природные, биолого-социальные, пожарные и т.д.

Техногенные чрезвычайные ситуации включают в себя: крушения и аварии на железнодорожном транспорте, авиационные катастрофы, аварии на водном транспорте, крупные дорожно-транспортные происшествия, аварии на магистральных и внутрипромысловых трубопроводах, аварии на энергетических системах и коммунальных системах жизнеобеспечения, крупные террористические акты. **Природные чрезвычайные ситуации** охватывают: землетрясения, оползни, сильные снегопады, сильные дожди, сильные ветры, опасные гидрологические явления, засуха и природные пожары, к которым по различным причинам власти не были готовы. **Биолого-социальные** связаны с биологическими происшествиями, затрагивающими человеческие жизнь и здоровье. Особое место в чрезвычайных ситуациях и в нашей стране, и в мире занимают колоссальные **пожары**, рукотворные и естественные.

За пять лет (2003–2007 годы) в нашей стране было 1 млн. 137 тыс. 484 чрезвычайные ситуации, от которых погибло 124 тыс. 707 человек, получили телесные повреждения 5 млн. 80 тыс. 990 че-

⁴⁷ 18 января 2008 г. был издан приказ Росстата “Об обеспечении открытого бесплатного доступа к официальной статистической информации, размещаемой на официальном Интернет-сайте Федеральной службы государственной статистики”. Однако и этот путь не дал мне необходимых данных даже после непосредственного разговора с ответственными лицами Росстата. Данные о бюджете системы уголовной юстиции у них не конкретизированы, а о численности кадров их совсем нет.

⁴⁸ См.: Росс. газ. 2008. 28 мая.

Таблица 3. Чрезвычайные ситуации, связанные с гибелью и травмированием людей, а также с причинением материального ущерба (2003–2007 гг.)⁴⁹

Годы	Чрезвычайные ситуации	В том числе					
		Техноген.	Природ.	Биологич.	Пожары	Всего погибло	Травмировано
2003	240 124	518	286	15	239 286	19 275	29 689
2004	232 620	863	231	28	231 486	38 550	36 855
2005	229 672	2 464	198	48	226 952	22 702	49 589 02
2006	221 417	2 541	261	44	218 570	23 108	21 529
2007	213 651	2 211	236	40	211 163	21 072	34 015
За 5 лет	1 137 484	6 607	1 212	175	1 127 457	124 707	508 099 0

ловек и причинен прямой материальный ущерб на 332 млрд. 326 млн. руб. (табл. 3).

Доминирующую роль в этих последствиях играл, как правило, человеческий и часто “чиновничий” фактор. Только обычно виновных в этих чрезвычайных ситуациях не находят или находят очень редко. Но если и находят, то ограничиваются служебными расследованиями и должностными наказаниями. Можно предположить, что последствия чрезвычайных ситуаций объективно в значительной мере являются результатом умышленных и неосторожных преступлений и правонарушений, включая должностную халатность, низкий уровень аналитической и прогностической и управленческой виновной деятельности и т.д. Поэтому подобные данные вполне укладываются в социальные последствия противоправного поведения и в значительной мере должны включаться в цену преступлений и правонарушений.

Большую помощь в анализе этих проблем могут оказать международные данные. Я располагаю некоторыми международными данными из Седьмого обзора ООН за 1994 г., когда Россия их впервые представила в ООН. Очень условно можно считать их объективными. Тем не менее, эти данные официальные (позже наша страна по-

добные данные уже не представляла). В 1994 г. в России был самый высокий уровень численности милиции – 1224/100 тыс. населения (более поздних данных, как уже говорилось, получить не удалось), во Франции – 349, Англии и Уэльсе – 346, США – 300, Швеции – 281, Японии – 207. Но кроме МВД в России есть и другие силовые ведомства с огромными штатами, выполняющие различные полицейские правоохранительные функции. Более того, после 1994 г. численность милиции, прокуратуры, судов и других правоохранительных и судебных органов постоянно росла⁵⁰.

В Швеции, например, число полицейских на 100 тыс. населения было в 4.5 раза меньше, чем в России, а они “обслуживали” в 6.5 раза больше учтенных преступлений, чем в России. Это фундаментальная проблема, которую надо исследовать для того, чтобы понять, почему эффективность нашей системы уголовной юстиции является такой низкой. Приведенные данные и знание фактических реалий убеждает нас, что мы имеем самую низкую эффективность деятельности милиции (полиции). И никто знать об этом не желает и не дает разобратся в этом ученым.

Ниже приводится составленная мною на основе имеющихся сведений табл. 4 соотношения

⁴⁹ Таблица сформирована на основе данных МЧС за 2003–2007 гг., опубликованных в Интернете на сайтах: <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=292>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=282>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=628>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=551>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=5877>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=6435>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=35357>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=35356>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=35363>; <http://www.mchs.gov.ru/print.html?id=33253>; 23.03.2008.

⁵⁰ Например, по Указу Президента РФ в 2008–2009 гг. поэтапно численность прокуратуры увеличится на 2 тыс. единиц. А по сообщению самой прокуратуры, в июне 2007 в ней числилось 37 693 единицы. И подобное увеличение штатов после 1994 г. проходило почти ежегодно во всех правоохранительных органах и судах. При создании Следственного комитета при Прокуратуре РФ ее численность определена в количестве 58 521 единицы, из них 16 656 единиц составит штатная численность системы Следственного комитета, а с военными следователями (+2 034) около 19 тысяч. И совершенно ясно, что это только начало.

Таблица 4. Соотношение преступлений, полицейских и судей в 2000 г.

Страны	Число полицейских на 100 тыс. нас.	Число преступлений на 100 тыс. нас.	Число преступлений на одного полицей- ского	Число преступлений на одного судью
Китай	96 (1997 г.)	131.2 (1997 г.)	1.4	9.3
Англия и Уэльс	234	9767	41.7	1569.7
Финляндия	158	10243	64.9	424
Франция	211	6404	30.3	556.8
Германия	292	7621	26.1	298.7
Израиль	425 (1997 г.)	6276 (1997 г.)	14.7	918.0
Италия	560	3823	6.8	261.2
Япония	182	1924	10.5	809.3
Португалия	491	3633	7.3	265.5
Испания	293	2337	7.9	269.9
Швеция	257 (1997 г.)	13516 (1997 г.)	52.5	1083.3
Турция	253	439	1.7	50.2
США	244 (1999 г.)	8517 (1999 г.)	34.9	815.8
Россия	1222 (1994 г.)	1775 (1994 г.)	1.4	209.3 (1994 г.)
		2022 (2000 г.)		43.4 (2000 г.)

преступлений, полицейских и судей за 2000 г. За неимением данных о 2000 г. автором использованы сведения других лет.

Понятно, что данные прошлых лет и в настоящее время приблизительны. Тем не менее ошибки, неточности, сокрытия в сравнительных исследованиях больших масс могут как-то нивелироваться и взаимопогашаться. А ведь различия в числе преступлений, приходящихся на одного полицейского, достигают 46-кратного размера. В России и в Китае на одного полицейского приходится 1.4 преступления в год. В Финляндии – 64.9, в Швеции – 52.5, в Англии и Уэльсе – 41.7, в США – 34.9, во Франции – 30.3 и в Германии – 26.1⁵¹. Кроме того, в Китае с 1997 г. и в России с 1994 г. (данные приводятся за эти годы) проходил процесс наращивания силовых, в том числе и полицейских структур. Подходя механистически, можно предположить, что высокое число полицейских сил в России и Китае удерживает уровень учтенной преступности на низком уровне. В расчете на 100 тыс. населения учтенная преступность в России в 6–7 раз ниже, чем в Швеции, в 5 раз, чем в Финляндии, Англии и Уэльсе, США, в 3–4 раза, чем во Франции, Германии и т. д. Но преступность в Китае в 15 раз ниже, чем в России. Однако, если исследовать глубинные причины, то низкий уровень учтенной преступности обусловлен совсем не числом милиции в этих странах и эффективностью их работы.

⁵¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. С. 91–92.

Еще более парадоксальные данные получены при расчете преступлений на одного судью. Сразу надо оговориться, что это условное соотношение. В России до суда доходят около трети зарегистрированных деяний, в США – не более пятой части. В других странах аналогичная картина. Если же исходить из реальной преступности, то судьи имеют дело не более как с 5–10% фактически совершенной преступности. Тем не менее число учтенной преступности является базовым. Кроме того, суды участвуют в контроле оперативной и следственной работы (дача санкций и т.д.).

У нас очень много говорят о том, что судей в России не хватает, что она находится по этому показателю на самом низком уровне среди западных стран, если рассчитывать их число на 100 тыс. населения. Хотя в последние годы число их увеличилось в 5.5 раза и это увеличение продолжается. Но если соотнести число судей с уровнем учтенной преступности, с которой они в той или иной мере имеют дело, то в России на одного судью приходится 43 зарегистрированных деяния (12–15 имеющих судебную перспективу) в год, а в США, где фактически отсутствует предварительное следствие и суд решает намного больше вопросов, чем в России, – 816, в Англии и Уэльсе, где отсутствует целостный уголовный кодекс и на судебных прецедентах держится значительная часть борьбы с преступностью, – 1570. Разница в 20–36 раз. А по сравнению с Китаем – в 90–170 раз. Можно предположить, что ответ надо искать не в эффективности системы уголовной юстиции России и Китая, а в ее неимоверной бюро-

кратии, неповоротливости и до предела зарегулированного процессуального законодательства. Ответ надо искать в далеко не преодоленной тоталитарности. И в этом тоже кроются причины отставания социально-правового контроля от динамично растущей преступности, до 75% которой остается в латентном состоянии.

При всей сложности взаимосвязи между уровнем преступности и численностью полиции, прямой общей закономерности снижения преступности от увеличения численности полиции не наблюдается. Но есть другая корреляция: в развивающихся и слабо развитых странах нередко полицейские режимы и естественно там наиболее высокие уровни численности полиции, которые сочетаются с низкими уровнями учтенной преступности⁵².

Можно предположить, что тотальный полицейский контроль за деятельностью и поведением людей при соответствующих исторических условиях коррелирует с относительно низкими показателями уголовной преступности. Однако мировое сообщество не считает такой социальный контроль над преступностью оптимальным. Ибо этот низкий уровень уголовной преступности обычно компенсируется злоупотреблениями властей против своего народа, чаще всего как грубейшие нарушения прав человека, жертвы и иные криминальные последствия, идущие от системы уголовной юстиции.

В России традиционно уголовная ответственность за отдельные виды преступлений наступает с 14 лет, а за все остальные – с 16 лет. Общее число регистрируемых деяний, совершенных несовершеннолетними, составляет около 200 тыс. Примерно столько же выявляется реальных об-

щественно опасных действий, совершенных детьми в возрасте до 14 лет, т.е. лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. В связи с этим возникает вопрос о снижении возраста уголовной ответственности. Но это мало что даст. Воспитание брошенных детей не может заменить ранняя уголовная ответственность. Значительная часть детей-правонарушителей находится вне организованного воспитания и вне тех или иных форм социально-правового контроля (в стране насчитывается около 2–3 млн. беспризорных детей и до 700 тыс. детей сирот)⁵³. Эти беспризорные и безнадзорные дети являются естественным резервом молодежной и взрослой преступности.

Таким образом, всестороннее научно-практическое, методическое, информационное обеспечение процессов противодействия преступности не может быть признано удовлетворительным. И это отмечается давно⁵⁴. Однако сдвигов в разработке основ анализа социальных последствий, реальной эффективности и общей интегрированной цены преступности во всем их многообразии и многоплановости практически нет. Следует учитывать все жертвы, социальные последствия и траты общества, в том числе и на содержание государственной и частной охраны и дорогих охранных устройств. Только на этой основе возможна разработка более эффективных и экономных средств борьбы, противодействия и предупреждения преступлений.

⁵³ См.: Рыбинский Е. Современное положение российских детей – источник пополнения будущих преступников и террористов // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. Международная конференция. М., 2002. С. 279–280.

⁵⁴ См.: Бабаев М.М. Указ. соч. С. 4.

⁵² См.: Global Repot on Crime and Justice. Graeme Newman / Ed. Published for the Union Nations. P. 126–131.